

Не прятаться от истины

(Окончание. Начало в № 7 за 2019 год)

Иван ЧАРОТА, доктор филологических наук, профессор

Объективно мое суждение или субъективно, это, надеюсь, выяснится позднее, с участием коллективного разума. А пока свою скромную задачу вижу в том, чтобы ознакомить читателей с конкретными результатами сотрудничества с Ю. Ивановым. И прежде всего процитируем прилагаемую им «историческо-источниковедческую» справку: «Эти тексты с частью семейного архива достались мне наследственно в 1981 году от моего деда по отцовской линии, жителя села Нагораны Ришканского района Молдавской ССР Иванова Василия Константиновича (1906–1980). В свою очередь, к В.К. Иванову архив перешел как наследство в начале 30-х годов прошлого столетия от его отца, Иванова Константина Тимофеевича (1881–1933) и деда по материнской линии Ротаря Якова Дмитриевича (1851–1930), жителей села Нагораны Бельцкого уезда Бессарабской губернии. Архив являлся родовым, принадлежал великим толковинам Молдавии, накапливаясь на протяжении многих лет и столетий. Я.Д. Ротарь и

К.Т. Иванов были последними великими толковинами Молдавской земли».

А теперь постараемся рассмотреть присланные копии. Первая из них – это лицевая сторона листа. Здесь из нескольких изображений скомпонована целая картина. Главными являются профильные фигуры двух мужчин на одинаковых или похожих креслах. Они сидят лицами друг к другу, под условным рисунком солнца. Слева, с короной на голове, – великий толковин, справа, в шапке с пером, – Скорина. Именно это засвидетельствовано надписями над их головами: «Великий Толковин Твердобой» и «Юрга Скорина Палацкий». Между названными двумя фигурами нарисована стопка книг (нельзя определить, печатные они или рукописные) на невысокой подставке. Кстати, в смысле написанного нужно еще разбираться. Перевод Ю. Иванову пока удалось сделать только приблизительный. Но текст, помещенный в рамке под рисунками, имеет примерно такое содержание: «И были Великие Гоны Великого Ра-Тата на Великую Капу в четырнадцать тысяч пятьсот двадцатом году Великих Даров. И прибыл в Великие Расконы Нагораны к Великому Толковину Твердобой от господаря Великой Земли Молдавской и Сучавского и Сиретского края Петруча Штэхвана (-ова?), весьма умелый и опытный мастер по печатанию добрых книг Юрга Скорина Палацкий».

Ю. Иванов пояснил, что названная здесь дата «в четырнадцать тысяч пятьсот двадцатом году Великих Даров» дана по толковинскому летоисчислению и соответствует 1542 году от Рождества Христова.

Вторая копия – это оборотная сторона того же листа. В рамке написано:

ОБ АВТОРЕ

ЧАРОТА Иван Алексеевич.

Родился в 1952 году в д. Лышики Кобринского района Брестской области. Окончил филологический факультет Белорусского государственного университета (1974). В 1974–1977 годах работал учителем в Полецкишской средней школе Вороновского района Гродненской области. С 1977 года работает на филологическом факультете БГУ: преподаватель, старший преподаватель, доцент. В 1994–2018 годах – заведующий кафедрой славистики (славянских литератур). С 2018 года – профессор кафедры теоретического и славянского литературоведения.

Доктор филологических наук (1998), профессор (1999). Академик Сербской Академии наук и искусств (2009), Международной Славянской Академии наук, образования, искусства и культуры (2012).

Автор нескольких десятков монографий и научно-популярных книг, более 600 литературно-критических публикаций, а также около 1000 переводов художественных произведений на белорусский, русский и сербский языки.

Сфера научных интересов: литература и культура славянских народов.

«Великая Чира Синявая – гоны нашего Великога Ра-Отца на Капа Великая, блестящая и яркая». А вот его текст имеет для нас особую важность, поскольку в нем повторяется имя Скорины и, помимо того, конкретно указывается причина его нахождения на молдавских землях: «И был Юрга Скорина Палацкий в Великой Сучаве и Земле Молдавской, поскольку пригласила его из Праги Чешской добрая властительница Молдавская Елена Сербская – любимая жена великого властителя господара Петра Стефановича. Ибо дала она себе зарок (обет), что напечатает красивые и яркие писания о своих великих предках: Иоанне Бранковиче – великом властителе и господаре Сербском, о его великих родителях – Стефане Бранковиче, великом властителе и господаре Сербском, и его святой жене, великой властительнице Ангелине Сербской, и о всем ее властительском

▼ Лицевая сторона листа с рисунком

роде (Бранковичей), который унизили и (на который) возвели великий поклеп (ложь), несправедливость и обиду проклятые и безумные турки».

У нашего с Юрием Васильевичем сотрудничества получилось довольно неожиданное продолжение: в феврале 2017 года он приехал на писательский форум в рамках Минской книжной ярмарки-выставки и привез оригиналы тех текстов, о которых мне рассказывал и писал. Таким образом, я получил возможность подержать их в своих руках. В любом случае могу засвидетельствовать: эта рукопись, выполненная черным и цветными грифелями на бумаге, выглядит старой, но давность ее происхождения без специального анализа определить непросто; водяные знаки не обнаруживаются...

Впрочем, как бы ни было, поскольку хоть что-то удалось эмпирически уяснить самому, то появлялось уже моральное право делиться с другими хотя бы впечатлениями от загадочных рукописей. Что я и сделал на нескольких научных конференциях. После этого, когда «наполнилась слухами земля», многие стали звонить и при встречах расспрашивать о «сенсационной находке».

Жанр данной публикации не позволяет основательно рассмотреть все выявленное, а тем более развернуто прокомментировать его. Поэтому позволим себе пока что ограничиться выдержками из электронных писем Ю. Иванова после посещения им Минска: «Успел покопаться в архиве и нашел, на данный момент, еще три документа. Один – продолжение разговора Скорины с молдавской княгиней Еленой Сербиянкой. Кстати, в нем говорится о победе сербов на Косовом поле благодаря мужеству самого Вука Бранковича и стойкости его воинов. Второй – о прибытии Скорины в 1520 (!) году в столицу Молдавского княжества. Третий – о спешном бегстве Юрги Луки Франтишка Скорины Полоцкого из Праги в Молдавию в 1550 году».

Еще: «Нашел сведения о смерти Скорины в сказании (пока еще не перевел); если соотносить с календарем от

Р[ождства] Х[ристов], произошло это 22 сентября 1572 года в нынешних Рышканах; приблизительно место захоронения я знаю, соответственно документу и тому, что успел в конце [19]70-х показать мой дед. Между прочим, тогда там был прямоугольный камень-стол с надписями и знаком Скорины – месяц, который закрывает солнце».

Последнее из тех писем Юрия Васильевича как бы подводило итоги его поисков и содержало следующее: «Имеется шесть листов толковинской летописи о пребывании и деятельности Скорины в Молдавском княжестве в 1520, 1542 и 1550 годах. На данный момент мной выявлены также восемь листов толковинского сказания «Путешествия Великого Юрги Палацкого по Великой Земле Траяна». В них говорится о деятельности Скорины в Молдавии после 1550 года и до 22 сентября 1572 года, когда он умер. А еще у меня есть несколько десятков листов копий, в свое время мной снятых с оригиналов, которые, по утверждениям моих сродников, были напечатаны Скориной в Молдавии... Они хотя и не оригиналы, но все же образцы печатнической работы Скорины в молдавский период. Не отысканы мной до сих пор: 1. Свидетельства толковинских летописей о встрече Скорины с Иваном Федоровым, восточнорусским первопечатником, в средневековых Расконах, незадолго до смерти Скорины. 2. Толковинское сказание о путешествии Скорины на Восток, на Святую Землю, в Персию и в Индию! В начале 1980-х годов я их держал в своих руках».

Разумеется, такая информация – будто снег на голову в теплое лето. Поэтому нужно было, по крайней мере, уравновесить свои представления и вспомнить если не об аналогичном, то имеющем близкую направленность. А такое было известно и ране – только почему-то, вроде, не замечено и надлежащим образом не учтено. Значит, есть необходимость также другим напомнить. Себе же это нужно для исходной предосторожности: коль есть сомнения, что материалы, о которых мы ведем речь, по природе своей не являются мистификацией ти-

па «Краледворской рукописи» чешских родолюбив... Так или иначе, есть смысл обратиться к давно известному.

Пятьдесят лет назад русский ученый-славист А. Флоровский, изучая распространение наследия Скорины, поделился своими размышлениями: «...Теперь перед исследователями Скорины встала новая неожиданная задача – осмыслить и исследовать новую находку, которая является пока что загадкой. Дело в том, что в 1960 и 1962 гг. ученым стали доступны новые, весьма краткие записи о Скорине, в которых он называется «secretaries regis Datie» или «Daciae»... Необходимо заметить, что мне еще в 1937 г. было известно это обозначение Скорины как секретаря короля «Дакии» («Daciae», варианта «Datie» я не знал). Но мне тогда было неловко публиковать этот акт. Я ждал, когда его напечатает та особа, которая его первоначально выявила. Дело в том, что как-то осенью 1937 г. профессор Этторе Ло Гатто показал мне в профессорском читальном зале Карлова университета в Праге рукопись небольшой статьи, которую ему предложили напечатать в журнале «L'Europa Orientale». Профессор спросил тогда у меня, известны ли в печати приведенные в этой статье падуанские акты. Среди текстов, с которыми мне здесь же довелось бегло ознакомиться, находился ранее неизвестный текст с обозначением (того), что сейчас нас интересует. Я считал, что в ближайшее время акт этот будет напечатан, поэтому ни в одной из своих работ о Скорине 1938–1946 гг. не делал ссылок на этот интересный документ, ибо считал, что приоритет нашедшего материал должен быть сохранен. Акт этот, однако, настолько привлек мое внимание, что я тогда же предпринял меры, чтобы навести предварительные справки для себя лично и осмыслить исключительно интересную находку».

Находка действительно была чрезвычайно интересной и не могла оставаться без внимания ученого, а исходно складывавшееся объяснение сути ее посредством связи с «Дакией» являлось наиболее логичным. К сожалению, и эта версия, и ее носители, как и Этторе Ло Гатто, редактор

выходившего в Италии славистического журнала, которому предлагалось напечатать такой чрезвычайно интересный материал, из поля внимания как будто исчезли. На процитированное выше свидетельство А. Флоровского реакций наших скориноведов не последовало. А вот в эмигрантской печати интерес к этому вопросу, определенно требовавшему научного освещения, все-таки проявлялся. Собственно, даже историю привлечшего нас вопроса в его дихотомичности – и «датском», и «молдавско-румынском» планах – можно проследить по материалам опубликованной в конце 1980-х годов переписки Антона Флоровского с белорусским эмигрантским историком Витовтом Тумашем. Оказывается, что тень «датского короля» вызвана именно Тумашем, который в письме от 25 января 1966 года сообщал: «Текст новонайденной падуанской актовой записи (обнаруженной еще в 1960 году во время поисков «скоринианы» в Падуе, которые были проведены по моей просьбе г. Я. Садовским) с подробным рассмотрением текста и комментариями подготовлены также к печати...».

А. Флоровский, со своей стороны, изложив то, что цитировалось нами выше, и упомянув о своих попытках выяснить суть дела, сообщил: «На мои запросы профессор Панаитеску в Бухаресте ответил, что в румынских документах нет ничего о Скорине, и что могла бы идти речь о князе Н. Бессарабе, хотя он никогда не называл себя «гех». С другой стороны, Гос. Архив в Копенгагене сообщил мне, что в датских актах 1507–1512 гг. нет никаких указаний о Скорине».

При всем этом, пожалуй, не только из вежливости Флоровский отмечал значимость новой версии: «Тем ценнее Ваше открытие, что Скорина был секретарем короля Ганса и что он учился в Копенгагене. С нетерпением жду издания этого текста, который так интересно расширяет наши сведения о Скорине». А спустя некоторое время посетовал: «Ваше письмо от 25.1.1966 своевременно получил и с нетерпением и самым живым интересом жду отиска Вашей статьи о Скорине. Но до сегодняшнего дня Ваша статья

до меня не дошла! Кстати, Вы в первом же письме ко мне писали, что Скорина изучал медицину (очевидно, до Падуи) в **Дании** (выделено автором. – И. Ч.). В каком именно университете? Откуда Вы имеете эти сведения? И может быть можно было бы навести дополнительно справку в архиве в Копенгагене, возможно, что там сохранились списки студентов начала XVI века».

Как и должно было произойти, Флоровский не ограничился рекомендациями, а начал свое собственное разбирательство – обратился к ректору Копенгагенского университета с просьбой поискать списки студентов соответствующего периода. И вновь получил отрицательный ответ...

Но в поисках надежных сведений он придерживался все-таки других ориентиров: «У меня все же в голове вертится, что надо бы подумать о возможности связей Скорины и еще с Молдавией и Валахией...». И свои доводы пражский профессор повторял более настойчиво, чем вежливо. Впрочем, В. Тумаша, если судить по одному из его писем, тоже одолевали сомнения: «Что касается возможности связать Скорину с Молдавией и Валахией – лет пять тому думал я, не поискать ли следов Скорины и на землях старой «римской Дации». Потом эту мысль отбросил из-за нескольких соображений, а главное потому, что если бы в «римской Дации» Скорина пребывал перед своим приездом в Падую в 1512 году, то невозможно тогда выяснить, где, в каком университете изучал он в это время медицину, ибо же университетов ни в Молдавии, ни в Валахии, кажется, не было. Из-за этого, мне казалось, такое направление поисков – слепой тор, хотя, конечно же, в жизнеописании такого решительного, подвижного человека, как Скорина, могут быть и вещи, на наш взгляд, и совсем «нелогичные».

Собственно, здесь в качестве главного контраргумента присутствует не что иное, как субъективное опасение В. Тумаша разрушить привычную схему и, соответственно, категорическое нежелание этого. Упомянутые же колебания склоняют его в последующем письме

делиться плодами своих произвольных фантазий: «1512 год, когда в Падуе докторировался «секретарь короля Дации», в Италии – апогей Ренессанса с увлечением античной культурой, историей, терминологией. Тогда и папу римского часто называли не «Наместником Христа», а «Pontifex Maximus». При такой моде на античность и Дация (в) падуанской актовой записи, возможно, обычная ренессансная метафора, под которой может быть скрыта любая страна, расположенная где-то приблизительно в стороне старой римской Дации, независимо от того, в действительности ли ее тогда так официально называли или нет. В числе их могла быть и Венгрия, а даже и Чехия. Поскольку же королем Венгрии был тогда Владислав Ягайлович, может, это он и назван «королем Дации»? Это вело бы нас к той самой «Золотой Праге», где Скорина был дважды и позднее...».

В. Тумаш, конечно же, не мог не осознавать, что подобная логика напрямую вела к выводу, что такой страной, находящейся «где-то приблизительно в стороне», с одинаковым результатом можно было назвать и саму Польшу вместе с ВКЛ. Тем не менее он продолжал стоять на своем: «...Если бы даже и все поиски следов Скорины в Дании оказались негативными, Дания останется и далее Скориновой Данией до тех пор, пока кто-то конкретно, на доводах, не покажет, о какой иной «Дации» здесь может идти речь».

К сожалению, так и получилось. Поэтому, что «конкретно, на доводах» никто из белорусских скориноведов даже не брался показывать-доказывать, что эта версия шита белыми нитками. За редкими исключениями, среди которых – многоопытный в обращении с документами А. Мальдис, осторожно писавший о Скорине, что тот «исполнял ответственную должность секретаря датского короля (или валахского князя)».

Что же касается материалов Ю. Иванова, то по отношению к ним все признаки именно «дакийской версии» не просто упоминаются, но и вполне сносно увязываются в некую целостность: Дакия (лат. Dacia) – провинция, присоединен-

ная Траяном к Римской империи в начале II века нашей эры. Границы ее, в пределах Прута, Тисы, Днестра, Дуная и Карпат, охватывали значительную часть современных Румынии и Молдовы, включая и пограничную с Румынией северо-западную часть, где находятся Рышканы, а также часть Сербии... Хотя и непросто, но концы все-таки сходятся.

Кстати, с XIII–XIV веков на территории нынешних Румынии и Молдовы значительную часть населения составляли сербы, что вовсе не является новостью. Да и в современном академическом словаре топонимов Румынии указывается два с половиной десятка населенных пунктов, имеющих в названии основу -sirbi-. Об этом, например, убедительно говорит современный сербский социолог профессор З. Милошевич. Он ссылается на исследователя начала XX века Илие Барбулеску, которого аттестует как «румына». Так вот,

▼ Обратная сторона того же листа

названный им ученый в свое время писал о том, что валахская и молдавская знать роднилась со знатью сербской начиная с короля Сербии Стефана Милутина, жена того на валашке. А об интересующем нас времени в конкретном аспекте сообщает: на протяжении XVI века (сведения относятся к 1558 году) из Западной Малороссии... присылали юношей в Молдавию «учиться сербскому церковному пению» и, конечно же, сербскому литературному языку. В то время и в Валахии, и в Молдавии, и в Эрделе (Трансильвании) язык назывался славянским, или сербским.

Ну, а для белорусов не менее убедительными должны быть те косвенные подтверждения той же историографической позиции, которые содержит одна из публикаций полуторавековой давности, посвященных весьма влиятельно-

му в ВКЛ роду сербского происхождения Деспот-Зеновичей-Братошинских. В ней на вопрос, «почему Зеновичи называются Деспотами-Братошинскими (из Братошина)», дан следующий ответ: «Братошина нет ни в Литве, ни на Руси, между тем как в Молдавии (здесь и далее в цитате подчеркивание автора. – И. Ч.) встречаем не раз такие названия, как Ботушани, Ботошаны, Братушани, даже и фамилию Братушины.

Между тем по гербовникам (Коялович, Яблоновский, Окольский), предок Зеновичей был братом молдавского воеводы и вместе с ним правил. Во время же нашествия Тамерлана на Бессарабию (1395) он бежал в Литву, где и остался. Отсюда вероятное предположение, не были ли предок Зеновичей деспотом в Братушанах во второй половине XIV века».

Кстати, связи между Сербией и Молдавией (а также Западной Русью) в XV веке показательно иллюстрируются географическими координатами жизни и деятельности Григория Цамблака, которого князь Витовт поставил на митрополичью кафедру в Новогрудке и которому принадлежит заметная роль в истории православия нескольких современных народов. Не претендуя на охват всей географии его жития, обозначим лишь точки, непосредственно связанные с нашим вопросом: Сучава («Молдовлахийская церковь») – монастырь Дечаны (Сербия) – Киев – Новогрудок (Юго-Западная Русь). К тому же существует версия, что Цамблак и закончил свой земной путь в одном из молдавско-валахийских монастырей.

Нельзя не учитывать и еще одно обстоятельство, которое может служить дополнительным подтверждением «молдавско-валахийской версии»: Валахия и Молдавия в XVI веке реально были для сербов территорией, где продолжалось, получив развитие, их книгоиздательство, что общеизвестно. И отнюдь не случайно белорусский исследователь Е. Немировский в своей статье «Макарий (Masagie)», помещенной в энциклопедическом справочнике «Франциск Скарына і яго час», указывает – хотя и без твердой

▼ Следующий лист документа

уверенности – на связь Скорины с деятельностью известного сербского печатника Макария. Правда, в справочнике помещаются статьи о двух Макариях, один из которых определяется как первопечатник румынский, а другой – как черногорский. Но это обусловлено, пожалуй, недосмотром и автора, и редакторов издания, поскольку во втором материале имя написано с явными ошибками, в обоих случаях годы жизни указываются как неизвестные, что не совсем так, а содержание помещенных рядом статей сопрягается одно с другим.

При всем этом для нас принципиально значимо суждение, которое высказано Е. Немировским по отношению к Макарию «румынскому» в связи с вопросом о «секретаре короля Дакии»: «Возможно, в этом случае идет речь о какой-то влиятельной личности Валахии или Молдавии. Если это действительно так, можно считать, что С(корина) усвоил типографскую технику в типографии Макария». Со своей стороны подчеркнем, что в обеих статьях упоминается Джурдже Црноевич, а в нами цитированной еще и род Бранковичей, которые фигурируют в текстах, принадлежащих Ю. Иванову. Так что у нас появляются вполне определенные основания внимательнее отнестись к сербско-черногорско-молдавскому аспекту. Тем более что на вероятность связи издательских дел Скорины с Макарием и еще одним сербом – Божидаром Вуковичем, а также с «территорией современных Румынии и Молдовы» указывает и Александр Наумов – профессор Краковского и Венецианского университетов, на данный момент, пожалуй, самый авторитетный скориновед Польши.

Отбирая из доступных источников сведения, касающиеся иеромонаха Макария и потенциально соотносимые с издательскими делами Скорины, особо следует выделить следующее: благодаря этому сербскому первопечатнику в цетиньской типографии Джурдже Црноевича вышли книги «Октоих первогласник», «Октоих пятогласник», «Псалтырь с последованием» и «Требник»; причем осуществлено это в 1493–1495 годы, т. е. за

два десятилетия до скорининских изданий. Известно также, что после 1499 года Макарий покинул Зету-Черногорию и перебрался в Валахию, где продолжил заниматься книгопечатанием. Кстати, упомянутый выше И. Барбулеску видит судьбу сербского первопечатника вот в каком контексте: «В начале XVI века Михна воевода, который митрополита серба Максима послал с дипломатической миссией к королю угорскому Жигмунду, судя по всему, позвал с Цетинья и серба Макария, для печатания церковных книг, а тот, как оказывается, достиг позднее достоинства митрополита страны».

Поиски дают возможность уточнить кое-что и относительно Бранковичей. Так, в обстоятельном исследовании, посвященном истории этого рода, подтверждаются сведения о пребывании Ангелины, вдовы деспота Стефана Бранковича, с сыном Максимом (Джураджем) в Валахии, под покровительством воеводы Йована Радула IV «Великого». Более того, в составленных А. Ивичем, а также М. Спремичем родословах как представительница одной из ветвей рода называется и Елена, при имени которой указывается (как ее супруг) Петр IV Рареш, господарь молдавский на протяжении 1527–1538 и 1541–1546 годов, который, кстати, в 1542 году посылал в Москву своих послов с целью заключения союза. Короче говоря, для дальнейшего исследования затронутого нами вопроса определенно имеются немалые возможности.

Однако недоверие к материалам Ю. Иванова, о которых мы повели речь, все равно может сохраняться. Чтобы развеять его, остается разве что найти аргументированный ответ на нехитрый вопрос: «Какая же польза могла быть кому-то в Молдавии от присвоения нашего Георгия (Франциска) Скорины?»

Ну а если пытаться обобщить все, о чем у нас шел разговор, то уместно прозвучит мудрое высказывание: «Мы живем во время, когда Истина уже не спрятана от людей. Но теперь люди от нее прячутся». Поэтому в завершение хотелось бы предложить: давайте не будем прятаться от Истины! ▀